

ПИСЬМА Е. И. ГЕРЦЕНА

Публикация А. Н. Дубовикова

1

Биографические сведения о Егоре Ивановиче Герцене (1803—1882), единокровном брате А. И. Герцена, весьма скудны: они почти исчерпываются теми краткими сообщениями, которые содержатся в воспоминаниях М. К. Рейхель и Т. П. Пассек. Обе они, будучи близко связанными в юности и в молодые годы с домом И. А. Яковлева, имели возможность непосредственно наблюдать условия жизни Егора Ивановича в доме отца. Позднее они до последних лет жизни Егора Ивановича поддерживали с ним связь — письменную (Рейхель) или личную (Пассек). Следует при этом иметь в виду, что характеристика Егора Ивановича предстает в этих воспоминаниях в несколько смягченном виде, поскольку обе мемуаристки питали к нему чувство дружеской приязни.

Нам остаются неизвестными обстоятельства рождения Егора Ивановича, мы даже не знаем имени его матери. Повидимому, она была крепостной И. А. Яковлева. Как сообщает Пассек, мальчик родился в подмосковном селе Покровском, где и провел раннее детство. Когда ему было года три-четыре, на него случайно обратила внимание княгиня М. А. Хованская (сестра И. А. Яковлева); она забрала приглянувшегося ей мальчика к себе в дом, что вызвало неудовольствие И. А. Яковлева, когда он, вернувшись из-за границы, узнал об этом. В 1812 г. Егор Иванович был взят в дом отца (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет, т. I. СПб., 1878, стр. 37—38. В дальнейших ссылках указывается: П а с с е к). Фамилию — Герцен — он получил, когда в доме появился любимец Яковлева Александр, для которого она и была придумана. Об этом сообщает Пассек в журнальном тексте своих записок: «Кстати, заодно с Александром и Егору Ивановичу дали фамилию *Герцена*, несмотря на то, что Иван Алексеевич был к нему больше чем холоден» («Русская старина», 1872, № 12, стр. 612; в отдельном издании «Из дальних лет» эти строки были выпущены).

Егор Иванович не пользовался любовью отца: его положение в доме было тягостным; к тому же он не обладал теми богатыми духовными силами и той одаренностью, которые помогали его младшему брату противостоять мертващему гнету семейного деспотизма.

С детских лет у Егора Ивановича проявились интерес и способности к музыке. По словам Пассек, «музыка была для Егора Ивановича наслаждением и отдыхом от непрерывных оскорблений и огорчений от отца, ничем не заслуженных» (П а с с е к, т. I, стр. 144). Но и это единственное увлечение, скрашивавшее его унылое и однообразное существование, стало для него источником огорчений, причиной которых был тот же тяжелый нрав его отца (М. К. Р е й х е л ь. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, стр. 19. В дальнейшем при ссылках указывается: Р е й х е л ь).

Несколько облегчали его жизнь дружеские отношения с Луизой Ивановной, а позднее с Таней Кучиной (Т. П. Пассек) и с Машей Эрн (М. К. Рейхель). Отношения с Рейхель закрепились в 1844 г., когда они оба крестили Тату Герцен — в своих позднейших письмах к М. К. Рейхель Егор Иванович именует ее «кумой» или «кумушкой».

Но эти немногие просветы на фоне безрадостного существования не могли изменить уже сложившегося характера. Егор Иванович привык скрывать свои чувства и переживания, был болезненно самолюбив и обидчив; мелочные, повседневные заботы и интересы все больше поглощали его.

Е. И. ГЕРЦЕН

Рисунок неизвестного художника, 1813 г.; из альбома, подаренного Герцену Огаревым
«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В 1820 г. «воспитанники гвардии капитана и кавалера» Яковлева, Егор и Александр Герцены, были определены на службу; их зачислили канцеляристами в экспедицию Кремлевского строения, с 1831 г. переименованную в Московскую дворцовую контору. Служба была номинальной, но она обеспечивала постепенное прохождение чинов, что могло пригодиться в будущем.

Значительно позднее (по словам Т. П. Пассек, уже после окончания Александром университета) Егор Иванович приступил к фактической службе в архиве Московской дворцовой конторы и получил казенную квартиру в так называемом Запасном дворце у Красных ворот, где помещался архив. Служебная деятельность его отражена в формулярном списке, сохранившемся в делах Московской дворцовой конторы (ЦГАДА, ф. 1239, оп. 50, ед. хр. 7184). Ее медленное и однообразное течение нарушалось лишь изредка. Так, в 1837 г., в связи с пребыванием царской семьи в Москве, ему было поручено исполнять обязанности помощника главного смотрителя по «камер-цалмейстерской части», ведавшей дворцовой мебелью, за что он был награжден «бриллиантовым перстнем»*. В 1840 г., будучи уже в чине титулярного советника и имея «знак отличия беспорочной службы за XV лет», Е. И. Герцен был назначен на освободившуюся должность архивариуса — в этой должности он и пробыл до выхода в отставку (2 июля 1848 г.). При увольнении от службы, по особой его просьбе, «пенсион», полагающийся ему за выслугу лет, был заменен производством в следующий чин «коллежского ассессора» и правом носить мундир придворного ведомства — штрих, выразительно характеризующий мелочность его честолюбивой природы.

После смерти И. А. Яковлева в 1846 г. Егор Иванович получил свою часть наследства, в том числе один из московских домов своего отца. В 1848—1849 гг. им были куплены и другие два дома, доставшиеся по наследству Луизе Ивановне Гааг и А. И. Герцену. Его окружали обитатели старого яковлевского дома, известные нам по мемуарам А. И. Герцена и Т. П. Пассек: няня Александра — Вера Артамоновна, Карл Иванович Зонненберг, няня Егора Ивановича — Наталья Константиновна, которую в доме звали Костенькой, и др. В доме Егора Ивановича прожила последние годы своей жизни переселившаяся из Вятки давняя приятельница А. И. Герцена, Прасковья Петровна Медведева; после ее смерти здесь же жила ее сестра Софья Петровна, взявшая на себя заботы об одиноком Егоре Ивановиче и его приемной дочери Соне (Соня была осиротевшей дочерью сестры Н. А. Герцен, Софьи Александровны Семичевой).

У Егора Ивановича осталась и вся обстановка яковлевского дома, в том числе и вещи, принадлежавшие Герцену. Остатки этой мебели и обстановки были приобретены в 1940 г. Государственным литературным музеем у С. И. Кедрова, жившего с Е. И. Герценом в последние годы его жизни (сообщено Н. П. Андиферовым).

2

В «Былом и думах», среди многих блестящих портретных зарисовок обитателей яковлевского дома, мы не находим ни одной страницы, посвященной Егору Ивановичу; есть только отдельные упоминания о нем в связи с историей женитьбы Герцена. И лишь подстрочное примечание к первой главе книги разъясняет причины этого умолчания:

«Кроме меня, у моего отца был другой сын, лет десять старше меня. Я его всегда любил, но товарищем он мне не мог быть. Лет с двенадцати

* В публикации М. Успенского «Дело о службе А. И. Герцена по ведомству императорского двора» документ об этом назначении «титулярного советника Герцена» ошибочно отнесен к А. И. Герцену («Былое», 1907, № 7, стр. 18).

и до тридцати он провел под ножом хирургов. После ряда истязаний, вынесенных с чрезвычайным мужеством, превратив целое существование в одну перемежающуюся операцию, доктора объявили его болезнь неизлечимой. Здоровье было разрушено; обстоятельства и нрав способствовали окончательно сломать его жизнь. Страницы, в которых я говорю о его единственном, печальном существовании, выпущены мной; я их не хочу печатать без его согласия» (XII, 21). Страницы эти до сих пор остаются неизвестными; не обнаружены они и в материалах «пражской коллекции», где сохранился только один листок с отрывком, относящимся к этой главе («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 118).

Если Герцен не оставил полного очерка личности Егора Ивановича, то некоторый свет на нее и на отношения между братьями бросают отдельные беглые упоминания и высказывания в письмах Герцена, прежде всего в письмах из ссылки к Н. А. Захарьиной и в ее письмах к нему.

Из письма Н. А. Захарьиной к Герцену в Вятку 26 ноября 1835 г. мы узнаем о том, что Егор Иванович, влюбившись в нее, сделал ей предложение, на которое она ответила отказом (I, 212—213, 227—228 и 304). Чувство, внушенное ею Егору Ивановичу, было, повидимому, довольно длительным. В письме к ней 10 февраля 1838 г. А. И. Герцен касается этой темы и дает объяснение судьбы своего старшего брата, объяснение, которое по праву может быть применено ко всей жизни Егора Ивановича: «Егор Иванович очень несчастен, виноват немного и сам и очень много тот, кто ему дал жизнь. У него не было самобытности, они его задушили с каким-то бесчувствием...» (II, 77).

Пережитое разочарование оставило тяжелый рубец на сердце Егора Ивановича, но не вызвало в нем чувства озлобленности и неприязни к младшему брату, счастливая любовь которого к Наталье Александровне не была для него секретом. Мало того, он обнаружил большую душевную отзывчивость, приняв на себя посредничество в тайной переписке между Герценом и его невестой. Помимо писем, Егор Иванович доставлял Наталье Александровне, находившейся в заточении в доме княгини Хованской, книги, а также рукописные статьи Герцена (I, 440); он же переправлял книги Герцену в ссылку. В феврале 1838 г. Егор Иванович вместе с Кетчером посетил Герцена во Владимире. При нем обсуждались планы женитьбы Герцена, он согласился принять участие в подготовке побега Наташи из дома княгини («Я боялся требовать, чтобы он служил в нашем деле, а он взялся за многое», — писал ей Герцен 12—14 февраля. — II, 81). О том, как Егор Иванович тайно, под видом слуги, привез брата из Владимира в Москву для свидания с невестой, рассказано в «Былом и думах» (ч. III, гл. XXIII).

К началу сороковых годов относится новое увлечение Егора Ивановича — Екатериной Александровной Захарьиной (сестрой Н. А. Герцена). Но она взяла обратно данное ему слово и вышла замуж за другого. В дневнике Герцена под 9 сентября 1843 г. записано: «Эпизод свадьбы страшен. И что за уродливое и вместе высоко-благородное, поражающее лицо несчастного Егора Ив<ановича>. В ту минуту, когда их венчали, он, убитый и оскорбленный, читал молитвы об них» (III, 133; см. также: Рейхель, стр. 19—20).

После отъезда Герцена за границу Егор Иванович взял на себя заботы о его имущественных делах, исполнение различных поручений. Через него постоянно присылались деньги матери Н. А. Герцен — Акинье Ивановне, а также няне Герцена — Вере Артамоновне, через него пересылались письма Г. И. Ключареву. В редких случаях Герцен обращался непосредственно к Егору Ивановичу, но ни одного письма к нему Герцена до нас не дошло. Обычно же связь осуществлялась в первые годы через московских друзей Герцена, а позднее, после его перехода

на положение эмигранта, через М. К. Рейхель. Когда подросла Тата, она в своих письмах иногда передавала Егору Ивановичу просьбы и поручения отца.

В «пражской коллекции» сохранились письма Е. И. Герцена к М. К. Рейхель, относящиеся к 1852—1881 гг., всего 14 писем (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 268), и одно письмо 1869 г. к Н. А. Герцен (дочери), вторая половина которого обращена непосредственно к Герцену (там же, ед. хр. 244). Документы эти содержат материал для комментирования некоторых писем Герцена. Вместе с тем они позволяют яснее представить облик Егора Ивановича в последние тридцать лет его жизни и правильно понять отношения, сложившиеся у него с братом и его семьей, тем более, что М. К. Рейхель постоянно держала Герцена в курсе своей переписки с Егором Ивановичем, а отдельные его письма пересылала Герцену. Ниже эти письма даются в извлечениях (кроме особо оговоренных случаев). Ценные дополнения к этим материалам содержатся в письмах Т. П. Пассек к М. К. Рейхель, сохранившихся в той же «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 274).

3

Наиболее раннее из сохранившихся писем Е. И. Герцена датировано 21 января/3 <1> февраля 1852 г. Этим письмом Егор Иванович отвечал сразу на три письма своей корреспондентки — от 29/17 октября, от 30/18 ноября 1851 г. и от 27/16 <1> января 1852 г. Во втором из них М. К. Рейхель, только накануне получившая от Герцена известие о трагической гибели Луизы Ивановны, Коли и Шпильмана, сообщала об этом Егору Ивановичу. Значительная часть его ответного письма представляет собою отклик на это сообщение. За многословными, витиеватыми фразами, с характерными перерывами логической связи между мыслями, нетрудно почувствовать искреннюю взволнованность Егора Ивановича, всегда ценившего доброе отношение к нему Луизы Ивановны:

«На второе письмо перо отказывается служить: или много надо писать, или ничего, никак многословием нисколько удара не облегчения <1>, как он ни тяжел, но остается молчать как ошеломленному, потому что само событие красноречивее говорит все. Действительно вы поразили всех без исключения, ко мне всякий день приезжали и приходили для изъявления участия, соболезнования и узнания подробностей, которых я и сам не знаю. Одним словом: ди либе * Луизы Ивановны нет, и все сказано для знавших ее, а у меня сверх того на совести осталось, что я с обычным своим проворством не успел отвечать ни ей, ни Коле, ни племяннице; первым двум, вероятно, не замедлю лично отвечать, но последней придется вам поклониться, потому что я по-немецкому так же далек, как она по-русскому, да притом же я теперь и не знаю, где она живет, а если вы знаете ее адрес и в сношении с нею, то прошу вас благодарить ее за приписку, а я не теряю надежды, что если ей не удалось приехать с Луизой Ивановной, то может с Наташей или с вами. Но каким же родом она с девушкой могла спастись, в наших газетах ни в одних не было о сем случае...».

Письма Егора Ивановича содержат обычно информацию о близких ему людях, судьба которых не могла быть безразличной для Герцена и его семьи. При этом его сообщения не выходят за рамки обычных семейно-бытовых обстоятельств и новостей:

«Дмитрий Иванович изредка бывает у нас; как разумеется, всякий раз интересуется всеми вами и всякий раз поручает вам всякие любезности и почтения; он очень стал опускаться и стареть, хотя и толстеет на вид;

* мидой (нем.).

М. К. РЕЙХЕЛЬ (ЭРН)

Рисунок К. А. Горбунова, 1845 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

вероятно, вы и во многих нашли бы большую перемену, разве только один Григорий Иванович (Ключарев), который тоже почтительствует, не покоряется закону природы и наперекор уставу с каждым днем молодеет, и только в виде брани или насмешки можно его признавать за 60-летнего старика. Верушка тоже чинит свои респекты, она тоже крепко ветшает» (письмо от 21 сентября 1853 г.).

В письмах Егора Ивановича мы находим сообщения о выполненном поручении Герцена, просившего передать деньги Вере Артамоновне, ответ на запрос о состоянии чухломского имения, взятого в опеку.

В письме от 24 февраля 1861 г. он пишет: «Приложенная вами записка, разумеется, тот же час была доставлена по назначению». Умолчание об имени адресата и нарочитая краткость этого сообщения позволяют предположить, что оно касалось передачи какой-то записки, написанной самим Герценом или по его поручению М. К. Рейхель. Если это предположение основательно, то нужно сделать вывод, что посредническая роль Егора Ивановича не всегда ограничивалась имущественными и денежными делами: через него, очевидно, осуществлялась иногда связь Герцена с его русскими друзьями.

«Ваше письмо, адресованное к Марье Ивановне, получено к ней, когда она находилась в предсмертной агонии, а потому она его уже и не слышала, потому что тот же час и кончила жизнь 7-го августа, а на другой день Фиоза прочла его мне, вместо покойной. 15-го ноября я лишился своей муттер*, а через 9 дней, 24-го, умер Кузьма, и вообще в короткое время я лишился нескольких искренних друзей, например К. И. Гофмана, А. М. Фляг, З. И. Дудинского и проч., и остался почти один в компании, хоть вновь заводись друзьями, поэтому-то хотелось бы и с вами не разрываться. Зато мое домашнее старье не изменяет, например Верушка, 92 лет, вчера приходила просить от нее написать вам свои почтения. Наталья (Костенька), 82 лет, и Карл Иванович, 81-й год, — все трое, как вы их оставили, так находятся и по сию минуту. Все утраты вознаграждает мне Соня; не знаю, чем и как благодарить за нее бога, так она меня утешает, что заставляет забывать все болезни и невзгоды» (письмо от 11 мая 1869 г.).

Егор Иванович извещает свою корреспондентку о смерти Прасковьи Петровны Медведевой (письмо от 24 февраля 1861 г.), Сергея Ивановича Астракова (письмо от 4 апреля 1867 г.), Г. И. Ключарева и известного врача, лечившего семью Герцена — А. А. Альфонсова (письмо от 23 июля 1869 г.). В то же время он с большим вниманием осведомляется о жизни М. К. Рейхель, о ее детях, о ее муже Адольфе Рейхеле, его музыкальных занятиях. Неослабный интерес обнаруживает он и к жизни семьи Герцена; обычно его запросы о них связаны с надеждами на возвращение детей Герцена, а может быть и его самого в Россию: «А что наша крестница (Тата Герцен.— А. Д.), кроме того, что рейценд**, будет ли опять у вас или уже нет? Кажется, нет ли уже срока им воротиться, как вы писали, на три или четыре месяца» (21 сентября 1853 г.).

«Не знаете ли что о племяннике и племянницах, как они поживают во Флоренции, не женился ли из них кто или замуж не вышел ли? У вас нет ли каких музыкальных музыкальностей, так поделитесь с нами, грешными. Все вас помнят и все благодарят за вашу об них память и посылают вам свои куры и комплименты ...» (2 апреля 1837 г.).

В своих письмах Егор Иванович связывал обычно вопрос о возвращении детей Герцена в Россию с перспективами получения ими наследства — костромского имения, взятого в опеку после эмиграции Герцена. Не исключено, что настойчивые приглашения Егора Ивановича, уже

* матери (нем.).

** прелестна (нем.).

дошедшего до крайнего разорения, объяснялись не только родственными чувствами, но и надеждами на возможное при этом облегчение его собственного материального положения. Откликом на одно из не дошедших до нас писем Егора Ивановича является шуточный вопрос в письме А. И. Герцена к М. К. Рейхель от 1 января 1867 г.: «Что Ег. Ив.? Кланяйтесь, если будете писать. Что все его обещанные вам и Тате наследства?..» (XIX, 178).

Однако, несмотря на явно ироническое отношение Герцена к перспективам, которые рисовал Егор Иванович, эти письма, несомненно, играли известную роль во все более частом и настойчивом обращении Герцена к мыслям о возможном отъезде его старших детей в Россию. Об этом свидетельствует письмо его к Огареву от 18 октября 1868 г., касающееся задуманной попытки выяснить вопрос о возможности для А. А. Герцена вернуться в Россию и получить работу по своей специальности:

«Мое мнение <...>: бросить место, остаться семестр в Берлине и в продолжение этого времени вызондировать, может ли он, как швейцарец, съездить в Россию, а там узнать: может ли он надеяться на место; пока же ехать в Москву к Егору Ив. Может, это и не пришло бы в голову мне, но вместе с письмом Саши прислала Мар. Касп. письмо Ег. Ив., который с величайшим вниманием спрашивает о Тате, Саше и пр., и просит их писать. Вероятно, и смерть Ал. Ал. <Химика.— А. Д.> его динула. При свидании с Сашей он может многое сделать и передать ему» (XXI, 137).

Очевидно, этому именно вопросу было посвящено письмо Герцена Егору Ивановичу, ответ на которое задержался, что вызвало обращение Герцена к М. К. Рейхель в письме 18 июня 1869 г.: «Что вы и ваши, что старшие и дети? Да, главное, напишите о себе и о Егоре Ив. Он мне не отвечал, а сам вызвался на письмо» (XXI, 398). Ожидаемый ответ был написан Егором Ивановичем только 24 июля. Он был отправлен одновременно с письмом к М. К. Рейхель, датированным 23 июля, через И. А. Уманца, с которым он советует Герцену встретиться, чтобы воспользоваться его юридическими знаниями для выяснения возможностей возвращения в Россию. Оба эти письма сохранились в «пражской коллекции». Приводим сначала в выдержках письмо к Рейхель от 23 июля 1869 г.:

«Любезная матушка, кумушка Марья Каспаровна, оба два ваши письма получил в надлежащее время, тотчас не благодарил за них потому, что обыкновенная факторша моих писем занемогла, которая и теперь находится в деревне на подножном корму. Да еще раз пять газеты обнадеживали на скорое возвращение вас всех сюда, но после разочаровали <...> Это письмо повезет (вероятно, вы его знали прежде: бывший студентом, он жил у Татьяны Петровны) некто Игнатий Алекс. Уманец, хотя он не намеревался быть в Берне; я бы весьма желал, чтобы он увиделся с Сашенькой, они друг друга тоже знают, он мог бы с ним посоветоваться о возможности возвращения, он по своей профессии все законы знает, как свои пять пальцев. Он едет в Биарриц, не поедет ли туда и Сашенька? По незнанию адреса Наташи прилагаю ее письмо к вам, вы скорее ее найдете...».

Егор Иванович указывает в своем письме на газетные сообщения о будто бы имевшемся у Герцена намерении вернуться в Россию, принеся повинную перед русским правительством, и о состоявшейся якобы его беседе по этому вопросу с священником Раевским, бывшим при русском посольстве в Вене. Этот известный эпизод из биографии Герцена был в свое время прокомментирован Лемке (XXI, 321—345). Однако Лемке допустил ряд неточностей. По его мнению, «первым источником слухов о переговорах Герцена с свящ. Раевским была „Kölnische Zeitung“, сообщившая об этом в статье „Russland und Polen“ (№ 67)» (XXI, 321—322). И вслед за этим Лемке приводит выдержку из № 44 «Биржевых ведомо-

стей», что создает впечатление, будто бы петербургская газета только повторяла сообщение «Kölnische Zeitung». Между тем, № 44 «Биржевых ведомостей», вышедший 14 февраля 1869 г., почти на десять дней опередил немецкую газету (№ 67 «Kölnische Zeitung» датируется 8 марта, т. е. 24 февраля ст. ст.; та же ошибка и в «хронологической канве» — XXII, 376). При этом, как явствует даже из выдержки, приведенной у Лемке на стр. 322, «Биржевые ведомости» ссылались не на «Kölnische Zeitung», а на сообщение своего варшавского корреспондента, опиравшегося в свою очередь, на выходивший во Львове польский журнал «Slowianin», который, повидимому, и приходится рассматривать как первоисточник вздорных слухов о Герцене. Упомянутое сообщение появилось впервые в «Биржевых ведомостях», № 34 от 4 февраля. Эту дату и следует считать началом распространения в русской печати сообщений о будто бы предпринятых попытках Герцена вернуться в Россию (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150). Приводим текст этого сообщения, помещенного в конце корреспонденции из Варшавы, датированной 24 января (раздел «Внутренняя жизнь»):

«В последнее время приезжие из-за границы рассказывали, будто бы известный Герцен до такой степени убедился в своих заблуждениях, что очень близок стал к возврату на путь истинный. Я воздержался от передачи вам этого известия до тех пор, пока не прочел в последнем номере „Славянина“, что этот некогда известный выходец, приехав в половине января в Вену, имел какие-то переговоры с состоящим при русском посольстве протоиереем Раевским».

Это сообщение не дало, повидимому, откликов в других русских газетах, и только когда через десять дней, 14 февраля, те же «Биржевые ведомости» опубликовали в разделе «Дневник» подробную статью о Герцене на ту же тему, известие это повторено было многими русскими газетами («Новое время», «Санктпетербургские ведомости», «Колос», «Московские ведомости» и др.). Прочтя впервые об этих слухах, Егор Иванович, конечно, должен был с напряженным вниманием разыскивать все остальные сообщения в надежде найти в них новые подтверждения приятного для него известия. Сам он, как мы видели выше, говорит, что «раз пять газеты обнадеживали на скорое возвращение». И, конечно, чувство горького разочарования вызвали в нем последовавшие за тем опровержения, печатавшиеся в разных газетах, в том числе и в «Московских ведомостях»*.

Пережитые надежды и последующее разочарование заставили Егора Ивановича обратиться с письмом не только к Тате, но и к самому Герцену, чтобы высказать ему свое огорчение и попытаться убедить его пересмотреть этот вопрос:

Москва. Июля 24-го 1869 года

Милая Наташа!

Твое письмо получил аккуратно; тотчас не благодарил тебя по выше-реченной причине: понеже ждал вас самих, но как богу не изволившу

* «Московские ведомости» на протяжении февраля — марта пять раз возвращались к этой теме: 1) 16 февраля, № 39 — перепечатка большей части статьи из № 44 «Биржевых ведомостей»; 2) 28 февраля, № 47 — сообщение со ссылкой на «С.-Петербургские ведомости» о том, что газетные известия о беседе Герцена с Раевским не подтверждаются; здесь же о просьбе Герцена-сына разрешить ему приезд в Россию на короткое время; 3) 12 марта, № 55 — перепечатка из номера «Кельнской газеты» от 18 марта выдержки из письма Герцена, в котором он категорически опровергает распространившиеся слухи; 4) 16 марта, № 59 — перепечатка письма Герцена в редакцию «Биржевых ведомостей» (текст письма см. XXI, 333—334); 5) 18 марта, № 60 — заметка на основе статьи в № 73 «Биржевых ведомостей»; в этой заметке приведено заявление А. А. Герцена русскому правительству о том, «что во время своего пребывания в России он не изменит убеждениям своего отца, хотя и не будет их пропагандировать». См. также в настоящем томе, стр. 825, о газетных вырезках на эту тему, бывших у Герцена.

гому исполниться, то и ждал okazji, которой и дождался <...>; если не ришлось папаше и Саше сюда приехать, то что бы тебе с Марьей Каспавной сюда приехать для окончательного устройства дел по вашему мнению; для этого нужно только доверенность от Саши, потому что, роме его и тебя, третье лицо в этом деле не имеет никакого права. е обженились ли ты или Оля и кто за кого именно? Напиши по имени, гчеству и фамилию, а если еще нет, то приезжай и выходи за соотечественника. Здесь один господин по уши влюбился в твою копию, что же будет,

ДОМ № 17 В МАЛОМ ВЛАСЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ
Е. И. ГЕРЦЕНУ

Фотография 1912 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

когда он увидит оригинал! а именно сей господин есть Ленгард Петрович Видерман фон Барановский; он даже согласен, в случае твоего приезда, ехать по вашим делам в Костромскую губернию, так как он юрист <...> Любезнейший Сашенька!

Приписку твою получил, ждал случая, чтобы отвечать тебе. В малых строках нельзя объяснить, что бы желалось; понимаю твое незавидное положение быть заблудшей овцой и не пристать ни к одному стаду! Кажется бы, для блага детей, можно бы погнуть рог гордыни; ты бы какими-нибудь средствами устроил костромские дела, а там бы и действовал как знал. На костромское имение имеют право только два лица: Саша и Наташа, никакое третье лицо никаких прав не имеет, и потому, если, бы Саша дал доверенность Наташе, которая если бы могла, приехать с Марьей

Каспаровной и продать имение, в котором, вероятно, вы не рассчитываете жить и им пользоваться. А там, если имеет антипатию к отечеству и злобу против родины, там и кажи шиши из-за угла. Больно было читать в газетах твое опровержение, что ты не заявлял отцу Раевскому твое желание возвратиться на родину, равно смешно было читать Сашины условия, на которых он просил въезда в Россию; как то, так и другое лучше, если бы не было. Неужели на шестом десятке лет ты еще находишь удовольствие быть в такой обстановке? В эти двадцать два года много изменилось, и никто не скажет, что к худшему. 19-е февраля кончится навсегда названием временно-обязанного, судопроизводство и судоустройство на манер всей Западной Европы, открытое, публичное. Лица, к которым у тебя почему-то не лежала душа, сошли со сцены в могилу, новое поколение заменяет их места с более современными взглядами, какого же тебе еще рожна? Это письмо везет едущий в Биарриц студентом бывший живший у Тани, Игнатий Алексеевич Уманец, ныне коллежский советник, присяжный поверенный, весьма шустрый во всех юридических делах, хотя в университете он шел по естественному факультету; которого ты знал и о котором даже упоминаешь в своих сочинениях. Я бы очень желал, чтобы вы где-нибудь свиделись, не придумали ли бы вы какого-нибудь выхода из настоящего ненормального, тягостного положения. Не зная твоего настоящего адреса, сладит ли Марья Каспаровна вас свести; я предполагаю, с своей точки зрения, настоящая твоя роль гораздо незавидна. Быть может, ты отвык от подобного тона, вероятно тебе ни Гарибальди, ни Маццини таких правоучений не читали; согласишься сам, не могу же я теми же глазами смотреть и быть всем доволен. Нравится тебе это или нет, но я бы желал иного положения для твоей пользы. Довольно сказать, что букет твой побледнел, что мы видим и в печати. Неужели ты до сих пор считаешь еще себя Мессией и реформатором? Кто тебя посылал, кто тебе давал доверенность? Во время оно я получил секретно от полиции, что ты Государственным советом объявлен государственным преступником, изгнанием навсегда из отечества с лишением всех прав и с передачею всего твоего оставшегося состояния твоим законным наследникам, о которых у меня спрашивалось, кто такие. И при оном была уже заготовлена записка для моего подписания, где было сказано, что законными наследниками состою я, Егор Герцен, и дети Александра Герцена. Само собою разумеется, что я этой записки не подписал, а написал другую, где себя выпустил, а показал твоих жену и детей. Если бы и ты нашел случай отвечать не по почте, было бы лучше. Затем крепко тебя обнимаю, прошу, поделись, если что промыслишь. Остаюсь твой друг и брат.

Е. Герцен

Письмо Егора Ивановича вводит новую деталь в историю лишения «государственного преступника» А. И. Герцена принадлежавшего ему в России имущества, а именно — факт секретного затребования сведений о наследниках Герцена от Егора Ивановича и факт его отказа назвать в числе наследников себя самого. Из этого письма становится ясным, почему Егор Иванович неоднократно и с полной уверенностью утверждал, что только дети Герцена имеют право на костромское имение. Однако при этом он не учитывал, что уже в 1863 г. имение, как выморочное, было изъято из ведения местной дворянской опеки, в результате чего наследники Герцена потеряли свои права на него.

Вместе с тем публикуемое письмо раскрывает новые черты в облике Егора Ивановича и дает возможность понять, каковы же были отношения, сложившиеся между обоими братьями. Наивно-обывательские суждения его автора о происшедших в России за последние двадцать лет переменах,

крайне примитивное объяснение мотивов, заставляющих Герцена оставаться за границей, — все это, в соединении с назидательным, поучающим тоном всего письма, не могло не вызвать у Герцена раздражения. Надо думать, что общение братьев между собой и тогда, когда оно было непосредственным, и позднее, когда оно изредка возобновлялось в переписке, обычно имело результатом взаимное неудовольствие и все более обостряющееся отчуждение. Именно эти мотивы звучат нередко в письмах Герцена, когда он упоминает о своем брате. Так, еще 30 июля 1858 г. он пишет Рейхель:

«В России дела идут безмерно дурно, и, в сущности, все так же мало изменилось, как Егор Иванович (которого письмо вкусил, как следует)» (IX, 277).

Еще резче он выразился в письме к ней же от 13 мая 1867 г.: «И из Ег. Ив. письма, словно из подвала, так и хватило мразью» (XIX, 310). А письмо от 9 октября 1869 г. заключается такими словами: «Не хотите ли съездить с Татой к Егору Ивановичу? Привезите его сюда, только в другой город, а то мы через пять дней надоедим друг другу» (XXI, 501).

К этому следует присоединить и строки из письма к Огареву от 10 ноября 1869 г., которые, возможно, являются откликом на приведенное выше письмо Егора Ивановича: «Письмо Егора Ивановича — жасмин с розой. Вот тебе прочность глупости, и при этом он считает себя серьезным человеком» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 439).

Сказанное об их отношениях можно иллюстрировать еще одним любопытным эпизодом. В 1855 г., когда в Париже открылась всемирная выставка, Егор Иванович, ожидавший присылки от брата через М. К. Рейхель денег, загорелся желанием получить вместо денег какой-нибудь необыкновенный подарок с выставки, который он мог бы с выгодой продать в Москве, похваставшись предварительно редкостью перед своими друзьями. Сначала он просил купить для него «контр-бомбардон», о котором он прочитал в газетных описаниях выставки («контр-бомбардон» — труба увеличенного размера, способная издавать звуки более низкие, чем обычная басовая труба). Однако вскоре желания его изменились, и 22 августа 1855 г. он писал Рейхель: «...если на выставке попадется хорошая зрительная труба, то я бы попросил купить ее; хорошею я подразумеваю не по внешней отделке или украшениям, но по внутреннему достоинству, т. е. чем дальше в нее видно, тем она и лучше (или так называемый телескоп). Если такового не окажется в эту сумму или за покупку останется, то хоть не мудрый, но посильнее увеличивающий микроскоп. Если же на мое счастье на выставке и того не придется в цену, то я видел здесь у одного мастера выписная коллекция, математически выверенная, камертонов двенадцать штук от А и до А₁, то если таковая найдется на выставке, то хоть это купить».

Эта просьба Егора Ивановича, как и предыдущее его пожелание, была доведена до сведения Герцена. 20 сентября он иронически откликнулся на нее: «Ну, телескоп-то все умнее контр-гросс-бомбардона. Деньги пришлю» (VIII, 230). Но денег он не послал, а взялся сам за покупку зрительной трубы, справедливо рассудив, что у прославленных лондонских мастеров он сможет разыскать инструмент наилучшего качества. В течение ближайших месяцев телескоп был найден и подготовлен к отправке в Москву через Брюссель, так как из-за войны отправка непосредственно из Лондона была невозможна (VIII, 231—232, 238, 243, 250). В феврале 1856 г. Рейхель переслала в Лондон очередное письмо Егора Ивановича, вызвавшее бурный отклик со стороны Герцена в ответе от 1 марта:

«Сделайте одолжение, отошлите Егору Ивановичу 1000 фр., взяв их у Рот(шильда), или просто сказав Шомбургу, куда послать. Напишите,

что я его письмо прочел „с сожалением и с удивлением“, что благодарю за ссуду и прошу излишние франки отдать Вере Артамоновне. Я вам никак не советую тоже нежничать в письме. Таких людей ни разлука, ни лета, ничего не исправляет, а потому советую и даже прошу написать очень холодное письмо, причем можете, впрочем, заметить, что телескоп с лондонской выставки, что на нем и было награвировано (мне его легко оставить, потому что он еще у мастера), и что одни провинциалы воображают, что на парижской или какой-нибудь выставке вещи лучше. Затем поклонитесь от меня и от детей Вере Артамоновне; а Ег. Ив. не кланяйтесь» (VIII, 264—265).

Последнее упоминание о телескопе находим в письме Герцена от 23 июня 1856 г.:

«...пошлите или сами съездите к Шевалье на Pont Neuf — человек он знаменитый; купите телескоп фр. в 400, он его уложит, а может и возьмется отослать. Что же касается до меня, черкните Егору Ив., что я считаю себя далеко не способным исполнять такие трудные поручения, за которые приходится через годы молчания выслушивать колкости. Я тоже стал стар» (VIII, 319).

Заметим, кстати, что курьезная история с «контр-бомбардоном» попала на страницы романа И. С. Тургенева «Накануне», где сообщается об Уваре Ивановиче, что он «прочел в газетах о новом инструменте на всемирной лондонской выставке: „контробомбардоне“ и пожелал выписать себе этот инструмент». Можно не сомневаться, что Тургенев воспользовался здесь фактом, услышанным им от самого Герцена.

В свете всего изложенного можно объяснить, почему Герцен не напечатал в «Былом и думах» написанную им главу о Егоре Ивановиче. Воссоздавая его образ, Герцен не мог не выразить своего критического к нему отношения. Нежелание обидеть Егора Ивановича и заставило Герцена отказаться от публикации этой главы. Правда, он поместил в «Былом и думах» ряд беспощадных по резкости очерков бывших своих московских друзей, не побоявшись обиды с их стороны. Но в этом случае Герценом руководило ясное сознание общественно-политического значения его разрыва с друзьями юности. Отношения же его с Егором Ивановичем были делом семейным.

4

Конец жизни Е. И. Герцена был омрачен несчастьями: в начале шестидесятих годов он стал терять зрение и вскоре ослеп; к этому времени он совершенно разорился и впал в крайнюю нужду. В письме к Тате Герцен от 24 июля 1869 г. он писал: «Ты меня спрашиваешь обо мне? Я далеко не тот молодец, каким ты меня оставила, я износился до дыр и ослеп как макура». М. К. Рейхель заключает страницы своих воспоминаний, посвященные Егору Ивановичу, следующими словами: «Бедный Егор Иванович, — много тяжелого выпало ему на долю, как будто для этого он только и был предназначен! Живя долго в зависимости и имея мало общения с людьми, он не выработал себе ни самостоятельного характера, ни знания людей. После смерти отца он получил наследство и независимое положение, но не мог уберечь ни того, ни другого. Сам простой во вкусах, он тратил в угоду хорошееньким женщинам, которые, конечно, пользовались его щедростью и помогали сорить деньгами, пока у него ничего не осталось. Все это случилось, когда брат Александр был уже за границей, и некому было остановить его. Подконец он ослеп и умер в бедности, пережив несколькими годами своего брата» (Рейхель, стр. 20).

Начиная с 1859 г. в письмах Егора Ивановича появляются жалобы на подоспевшую старость и болезни. 24 февраля 1861 г. он в первый

раз пишет о том, что слепнет, а уже в 1867 г. он потерял зрение настолько, что «не только не узнает сидящего, но даже и присутствия его не видит» (письмо от 2 апреля 1867 г., л. 23 об.). К этому времени уже значительно расстроились и его имущественные дела — надвигалось разорение, приведшее его к крайней нищете, на которую он постоянно жалуется в письмах последних лет жизни.

О разорении Егора Ивановича Герцен узнал незадолго до своей смерти от Рейхель. В письме к ней от 9 октября 1869 г. он писал: «Любезная Марья Каспаровна, Тата переслала мне ваше письмо. Я едва могу верить тому, что там сказано о Егоре Ивановиче. Как же он растратил свои дома, зачем их закладывал? Это из рук вон. Что я могу тут сделать? Послать тысячу, другую фр<анков>?» (XXI, 500). Ответ на эти недоуменные вопросы дают письма Т. П. Пассек к М. К. Рейхель, также сохранившиеся в «праздской коллекции». Т. П. Пассек, приезжая изредка в Москву, навещала Егора Ивановича и в своих письмах к Рейхель рассказывала об обстоятельствах, приведших его к нищете, и характеризовала его бедственное положение. 23 октября 1872 г. она сообщала, что летом провела два месяца в Москве, где виделась с Егором Ивановичем:

«У Егора Ивановича я бывала очень часто, и ко мне Соня, моя крестница, часто приходила. Они нанимают маленькую квартиру во флигеле у Успения на Могильцах и терпят нужду, до того, что нередко рубля нет в доме. Егор Иванович совсем слепой, сидит целый день на диване в крошечной комнате — душой — ничего не делает — в скуке, утром ему читают полицейский листок — а там один весь день. Рад бывал мне чрезвычайно. Я проводила у него целый день с ним, вспоминая прошедшее и рассказывая, что слышно нового. Простился со мною с горем. Все он продал — и все еще в долгу. Кажется, у него останется до 4000 всего состояния, и то еще неверно <...> Егора Ивановича дома все проданы — и всё за долги ушло за проценты. Помогла этому разорению Зенеида Николаевна Голохвастова*, да теперь к нему и глаз не кажет, — и все, кто во время его хороших средств у него бывали, теперь забыли о его существовании».

Последние несколько тысяч Егор Иванович отдал в долг некоей кв. Гагариной, соблазнившись обещанными ею процентами. Но Гагарина, запутавшись в долгах, уехала за границу, и обещанные деньги пропали.

Посильную помощь старику оказывала Т. П. Пассек, сама находившаяся постоянно в стесненных обстоятельствах. Время от времени присылала ему деньги Тата, но всего этого было недостаточно. Письма последних лет полны просьбами замолвить за него слово перед Татой, передать ей благодарность за помощь, и тут же новые просьбы о деньгах.

В последнем из дошедших до нас писем Егора Ивановича, датированном 20 декабря 1881 г., он писал:

«Добрейшая кумушка моя Марья Каспаровна!

В двукратную поездку Тани за границу я просил ее узнать о всех вас, заграничных, но сведений никаких не получал. В сентябре писал к Наташе, но ответа до сих пор не имею. Очень бы желал знать о всех вас; хоть вы, будьте так добры, известить меня как о себе, так и моих племянниках. Вы, вероятно, считаете меня давно умершим, а я хоть еще еле дышу, а жив, и при конце жизни желал бы знать о всех вас. О себе много рассказывать нечего. Живу с Софьей Петровной и с Соней с помощью добрых людей. Попрежнему нуждаюсь...»

Через десять месяцев с небольшим Егор Иванович Герцен умер и был похоронен на средства церковно-приходского попечительства на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом со своим отцом.

* Дочь Н. П. Голохвастова.